

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И КЛАССИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ПЕРЕХОДНОСТИ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Жуманова Гулнора Рустамовна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация: В данной статье представлено комплексное исследование фундаментальной проблемы межкатегориальных переходов (транспозиции) в морфологической системе русского языка. Автор анализирует динамическую природу частей речи и рассматривает их в неразрывной связи с эстетическими и философскими интерпретациями ведущих литературных критиков и культурологов. В работе детально исследуются процессы субстантивации, адъективации и формирования категории состояния как инструментов художественной выразительности. Особое внимание уделено явлению синкретизма и диффузности грамматических границ, которые обосновываются как ключевой механизм эволюции и саморегуляции языковой системы.

Abstract: This article presents a comprehensive study of the fundamental problem of intercategorical transitions (transposition) in the morphological system of the Russian language. The author analyzes the dynamic nature of parts of speech and considers them in inseparable connection with the aesthetic and philosophical interpretations of leading literary critics and culturologists. The paper examines in detail the processes of substantivization, adjectivization and the formation of the category of state. Special attention is paid to the phenomenon of syncretism and diffusion of grammatical boundaries, which are justified as a key mechanism of evolution and self-regulation of the language system.

Ключевые слова: переходность, транспозиция, части речи, синкретизм, субстантивация, морфология, предикативность, диффузность границ, языковая модель мира.

Keywords: transition, transposition, parts of speech, syncretism, substantivization, morphology, predicativity, boundary diffusivity, linguistic model of the world.

Исследование морфологической системы русского языка в её исторической и функциональной динамике неизбежно приводит к признанию того факта, что части речи не являются статичными и изолированными разрядами,

разделенными непреодолимыми барьерами. Напротив, живая ткань языка на каждом этапе своего развития демонстрирует постоянную диффузию границ, где слово, сохраняя свою этимологическую основу и лексическое ядро, способно радикально менять грамматическую маску, подстраиваясь под нужды высказывания. Этот процесс, известный в академической лингвистике как транспозиция, представляет собой сложный механизм адаптации языка к потребностям человеческого мышления, которое по своей природе стремится к экономии, экспрессии и максимальной точности именованию реальности. Фундаментальный вклад в понимание этого процесса внес Виктор Владимирович Виноградов. В своей эпохальной работе «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» он предложил революционную для своего времени парадигму: рассматривать части речи не как инвентарный список застывших форм, а как динамические категории, находящиеся в состоянии вечного взаимодействия. Виноградов доказывал, что система языка — это не набор герметичных сосудов, а поле, на котором существуют «гибридные формы», совмещающие в себе признаки разных классов¹. Например, причастие рассматривалось им не просто как форма глагола, а как уникальный лингвистический синкрет, в котором динамическая энергия действия находится в постоянном диалоге с адъективной статикой признака. Этот «диалог» категорий внутри одного слова и обеспечивает ту гибкость русского синтаксиса, которая позволяет автору смещать акценты с процесса на результат и обратно. С точки зрения виноградовской школы, такая трансформация — это акт предельной семантической конденсации, когда абстрактный признак поглощает субъект, становясь самодостаточной сущностью. В анализе бунинское слово «пустое» или «далекое» превращается в осязаемую пустоту или физическую даль, что позволяет читателю не просто представить картину, но ощутить её морфологический вес.

Этот процесс «овеществления признака» является высшей точкой развития субстантивации, когда язык перестает описывать мир и начинает его замещать собой. Принципиально иной, но крайне важный ракурс на проблему межкатегориальной переходности предложил Алексей Александрович Шахматов. В его монументальном труде «Синтаксис русского языка» части речи рассматриваются не через их внутреннюю морфологическую структуру или флексии, а через то, что можно назвать «диктатурой синтаксической позиции». Шахматов полагал, что часть речи — это «должность», которую слово временно или постоянно занимает в живой структуре предложения. Как только слово «завтра» (наречие) попадает в позицию подлежащего, оно мгновенно, под давлением самой структуры фразы, обретает категориальные признаки

¹ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986. С. 134–140.

существительного². Социальная и этическая среда того времени буквально «выдавливала» слова из их привычных категориальных рамок, заставляя их нести новую нагрузку. В анализе идей Шахматова, когда определение «лишний» в контексте эпохи становится существительным «лишний человек», язык фиксирует рождение не просто термина, а целого социального и экзистенциального типа. Шахматовская «диктатура синтаксиса», заставляла язык классиков быть предельно ответственным в именовании реальности: каждое свойство личности стремилось обрести статус имени нарицательного, получая в грамматике ту устойчивость и социальный вес, которых не хватало в текучей действительности. Таким образом, переход слова из признака в субстанцию у Тургенева или Гончарова — это не только лингвистический, но и гражданский акт закрепления смысла.

Особое место в теории межкатегориального перехода и синкретизма занимает формирование категории состояния, или предикативов. Борис Эйхенбаум, исследуя поэтику Анны Ахматовой в своем фундаментальном труде «Анна Ахматова. Опыт анализа», ввел понятие «семантического жеста» и «лаконизма предикатов». Он блестяще продемонстрировал, что ахматовский психологический минимализм держится на словах типа «больно», «пусто», «жаль», «душно», которые в процессе долгого перехода утратили свою первичную связь с наречиями и стали выражать чистое, безличное и всеобъемлющее состояние³. В интерпретации Эйхенбаума, такой переход позволяет лирике Ахматовой уйти от избыточной описательности и прямо называть бытие в его эмоциональном срезе. Ахматовская «грамматика жеста» превращает служебную по сути или обстоятельственную форму в неподвижный композиционный центр лирического мироздания. Это полностью созвучно идеям Виноградова о выделении категории состояния как высшей точки выражения человеческого переживания в русском синтаксисе, где индивидуальный субъект («я») как бы растворяется в самом состоянии («мне больно»), делая эмоцию объективной реальностью текста. В анализе Эйхенбаума слово «больно» у Ахматовой — это не то, как она чувствует, а то, чем стал мир в данную секунду, что подчеркивает онтологический статус грамматического перехода.

Культурологический и философский масштаб проблеме переходности и размытости частеречных границ придает работы Юрия Михайловича Лотмана. В книге «Внутри мыслящих миров» Лотман рассматривает «диффузные зоны» грамматики и синкретичные формы как абсолютно необходимое условие выживания, гибкости и развития любой знаковой системы. Он полагал, что если

² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1941. С. 87–93.

³ Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа. — Л., 1923.

бы границы между частями речи были абсолютно непроницаемыми и жесткими, язык очень быстро превратился бы в мертвую систему кодов, неспособную породить новые смыслы и адекватно реагировать на изменения реальности. Синкретизм — совмещение признаков разных классов — это, по Лотману, пространство «информационного взрыва» и точка роста культуры. Когда слово находится в состоянии активного перехода (например, адъективированное причастие у символистов), оно несет в себе колоссальную двойную семантическую нагрузку: оно хранит память о своей исходной категории (энергию действия) и одновременно впитывает энергию новой функции (статику образа). Это позволяет языку кодировать тончайшие, едва уловимые изменения в человеческом сознании и мироощущении, которые еще не получили своего устойчивого лексического имени, но уже требуют репрезентации⁴.

В процессах перехода слов, и особенно в адвербиализации (переходе существительных и деепричастий в наречия), акт «карнавализации» слова и его освобождения от иерархии. В работе «Эстетика словесного творчества» он указывал, что когда предметное, «тяжелое» слово («мигом», «ходом», «чудом») становится обстоятельством, оно освобождается от «материальных оков» падежной системы и жесткой субъектно-объектной связи. Критик и литературовед Дмитрий Быков, интерпретируя стиль Николая Гоголя сквозь призму бахтинских идей, отмечает, что гоголевское слово — это слово в состоянии перманентного «переодевания» и ускользания. В анализе Быкова, Гоголь сознательно и мастерски размывает морфологическую строгость фразы, заставляя весомые существительные вести себя как призрачные, летучие наречия. Это отражает фундаментальную гоголевскую интуицию о зыбкости, ирреальности и абсурдности материальной действительности. Грамматический переход у Гоголя — это симптом распада материи: вещи в его текстах постоянно теряют свои границы, «утекая» в чистые способы действия или странные, почти галлюциногенные признаки. Таким образом, адвербиализация становится лингвистическим эквивалентом фантасмагории, где «как» важнее, чем «что».

На стыке лингвистической теории Виноградова и Шахматова, критических интерпретаций Эйхенбаума, а также глубоких философских обобщений Лотмана, вырисовывается целостная и убедительная картина: переход слов из одной части речи в другую — это не хаотичный процесс «порчи» языка, а сложнейшая, исторически обусловленная система смыслопорождения. Динамизм частей речи обеспечивает уникальную гибкость и адаптивность русского языка, позволяя ему быть одновременно мощным инструментом строгого социального анализа и тончайшим, почти ювелирным средством передачи сложнейших экзистенциальных и эмоциональных состояний. Переход

⁴ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — СПб.: Азбука, 2010.

слова из одной категории в другую оказывается кратчайшим путем к новой истине, позволяя языку фиксировать те нюансы бытия, которые ускользают от прямой, однозначной номинации.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986.
2. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л.: Учпедгиз, 1941.
3. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. — М.: Республика, 1994.
4. Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа. — Л., 1923.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — СПб.: Азбука, 2010.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.